

На этот раз Шэнь Чан Ань вёл машину на удивление сдержанно – по крайней мере, не выжимал из неё скорости, достойной истребителя.

Дорога, петляющая среди ночных полей, была пустынна и безлюдна. То ли из-за слухов о нечистой силе, которые расползлись по округе с невероятной быстротой, то ли просто потому, что поздний час располагает к тишине, – но вокруг не слышалось ничего, кроме монотонного стрёкота цикад да изредка доносящегося кваканья лягушек. Ни одной встречной машины, ни одного случайного прохожего.

До места назначения оставалось каких-то несколько сотен метров, когда Шэнь Чан Ань вдруг уловил впереди странные звуки: ритмичный бой в барабаны и гонги, перемежающийся с пронзительным женским пением. Голос был настолько фальшив и резал слух так, будто кошку за хвост тянули, что Шэнь Чан Ань невольно поморщился.

– Что это там творится? – Дин Ян, ещё минуту назад испытывавший лёгкую дрожь в коленках от мысли о предстоящей встрече с таинственным и жутковатым, теперь, заинтригованный неожиданным шумом, напрочь забыл о своём страхе. Он с недоумением вглядывался в мерцающие впереди огоньки, которые то разгорались ярче, то почти угасали, и чувствовал себя окончательно сбитым с толку.

Машина проехала ещё метров двести, и тут дорогу им преградил человек.

– Дальше проезда нет, вам, ребята, лучше немного обождать, в сторонке постоять, – заговорил мужчина, одетый в светлую, почти бежевую рубашку. На рукаве у него чернела траурная повязка. На вид ему было лет пятьдесят, не больше. – Там у нас... свои дела.

В последнее время округу будто подменили – только и разговоров, что о чертях в деревне Уми. По ночам местные жители боялись носа на улицу высунуть, и уж тем более никто не рисковал ездить по этой дороге после заката. Потому организаторы сегодняшнего действа и рассчитывали, что никто им не помешает. Но, как назло, едва обряд начался – тут же какие-то чужаки пожаловали.

А знахарка-отшельница строго-настрого наказала: во время её камлания, когда она общается с духами и изгоняет нечисть, не должно быть ни одного постороннего. Любой чужак может спугнуть духов, и тогда всё пойдёт прахом. Значит, надо во что бы то ни стало задержать этих двоих, не пускать их дальше, пока всё не закончится.

– Но... – Дин Ян растерянно оглянулся на Шэнь Чан Аня.

– Эта дорога, – спокойно, но с нажимом произнёс Шэнь Чан Ань, глядя прямо в глаза мужчине. – Принадлежит всем. Здесь каждый имеет право проезжать. А вот если вы нам проезд перекрываете – это уже похоже на незаконные действия, – он демонстративно достал из кармана телефон. – Придётся вызывать полицию.

- Не надо! - мужчина испуганно замахал руками. Лицо его, и без того осунувшееся от переживаний, теперь вытянулось ещё больше. Он явно не ожидал, что эти двое окажутся такими несговорчивыми. Боясь, что парень и правда наберёт полицейских, он, понизив голос, сбивчиво принялся объяснять, в чём дело.

Оказалось, все они - крестьяне из соседних деревушек. Нынче урожай кукурузы выдался на славу, можно было бы выручить хорошие деньги. Но тут, как гром среди ясного неба, поползли слухи о нечистой силе. Перекупщики побоялись ехать в эти места, да и пошли разговоры, что кукуруза тут, мол, нечистая, заговорённая, пропитанная скверной, - если скормить её свиньям, те начнут болеть идохнуть.

После таких разговоров никто уже и не думал покупать их урожай. Крестьяне, отчаявшись, скинулись кто сколько мог и пригласили знахарку - совершить обряд изгнания нечисти, очистить землю и самих себя от наваждения.

Дослушав эту печальную историю, Дин Ян только руками развёл. Ну что тут скажешь? Месяца три назад, едва он устроился в отдел, попался ему случай: заболел у одной семьи ребёнок, тяжело заболел. А бабка - ни в какую, не даёт везти внука в больницу, твердит, что это порча, сглаз, надо знахарку звать, чтобы сняла. Мать ребёнка, отчаявшись, обратилась к ним. Хорошо, что успели вовремя, в больницу доставили - ребёнка спасли.

А бабка потом ещё и хвасталась: это я, мол, дома молилась, духов просила - вот они и помогли. Мать, не выдержав, развелась с мужем и уехала с ребёнком куда подальше, в другой город. И где они теперь, как у них дела - неизвестно.

Многие люди, конечно, относятся к духам и потусторонним силам с врождённым почтением, даже с трепетом. Но чтобы до такой степени терять рассудок - это уже слишком.

Шэнь Чан Ань, не проронив ни слова, открыл дверцу и вышел из машины. Мужчина попытался было снова преградить ему путь, но, вспомнив про полицию, передумал. Он криво, заискивающе улыбнулся и заговорил:

- Браток, сделай милость, уважь нашу деревню. Ну пережди ты этот час, ну что тебе стоит? - он замаялся, потом, видимо решившись, полез в карман и вытащил несколько красных купюр. - Вот, возьми, это вам на чай, на угощение, за беспокойство, - и протянул деньги Шэнь Чан Аню.

- Дядя, это я взять не могу, - Шэнь Чан Ань вежливо, но твёрдо отвёл его руку. - Я сколько живу, ни разу не видел, как таких вот... духов изгоняют, - он улыбнулся самой невинной, самой располагающей улыбкой, на которую только был способен. - Пустите посмотреть, я тихонечко постою, ни звука не издам, ничего не сломаю, и той... как её... - он сделал паузу, взглянув на суетящуюся у алтаря женщину в ярких одеждах, которая что-то выкрикивала, приплясывая и размахивая руками. - Той... знахарке-отшельнице мешать не буду.

Мужчина колебался. В таких обрядах самое страшное - когда какой-нибудь неразумный молодой человек ляпнет что-нибудь не то, спугнёт духов, испортит всё дело. Мало ли что у этих

городских на уме?

И тут случилось нечто, заставившее всех замереть.

Знахарка, женщина с суровым, даже злым лицом, вдруг издала протяжный, гортанный вопль и, схватив со стола сверкающий под светом факелов длинный тесак, плеснула на него из небольшой чашки немного жидкости – видимо, той самой освящённой "святой воды" (1), что стояла на алтаре среди прочих подношений. Затем она начала с силой рассекать воздух своим оружием, вращая его с такой скоростью, что он свистел, рассекая ночную мглу.

Не прошло и минуты, как кто-то из зрителей, приглядевшись, в ужасе ахнул и попятился: по лезвию огромного ножа, который знахарка держала в руках, потекла кровь – багровая, густая, отвратительно поблёскивающая в неверном свете. Кровь капала на землю, на рассыпанные подношения, и зрелище это было воистину жутким.

– А ну, нечисть проклятая, прочь! – выкрикнула знахарка, сотрясаясь в очередном припадке. Пот струился по её лицу, но голос оставался твёрдым и властным. Ещё немного посредничества между мирами, и она, обессилев, но торжествующая, объявила собравшимся: – Всё, злой дух изгнан! Можете больше не бояться. Теперь он вам не страшен.

В углу, где стояла небольшая группа людей, какая-то женщина, державшая за руку ребёнка, вдруг разрыдалась в голос, закрывая лицо ладонями. Стоявшие рядом с ней односельчане неловко переглядывались, не зная, как её утешить, и лишь виновато отводили глаза.

– Будет тебе выть-то! – знахарка подошла к рыдающей женщине и заговорила с ней тоном, не терпящим возражений, поучающим, почти менторским. – Пойми ты, дура! Твой мужик, как помер, так сразу в злого духа превратился. Если б я его не извела, он бы ещё много народу погубил! Не только чужих, но и вас с ребёнком мог бы со свету сжить! – она ткнула пальцем в сторону ребёнка, который, ничего не понимая из этих взрослых разговоров, но чувствуя, что случилось что-то ужасное, тоже заплакал, тоненько подвывая и выкрикивая сквозь слёзы:

– Папа! Папа! Хочу к папе!

Реакция мальчика явно не понравилась знахарке. Её лицо омрачилось, глаза недобро сверкнули.

– Неблагодарные! – процедила она сквозь зубы.

---

1. 神水 (shén shuǐ) – литературный перевод – освящённая "святая вода" – культурный термин, обозначающий воду, которой в народных религиозных и магических практиках приписываются особые, чудодейственные свойства. Считается, что такая вода может исцелять, отгонять злых

духов, снимать порчу и так далее. Часто используется в обрядах "изгнания нечисти".

2. 斩鬼刀 (zhǎnguǐdāo) - литературный перевод - меч для рубки демонов - название магического инструмента, используемого в народных обрядах для борьбы с нечистой силой. Это не просто оружие, а ритуальный предмет, которому приписываются сверхъестественные свойства, способность поражать духов и демонов. Является частью культурного контекста, связанного с народной демонологией и экзорцизмом.

<http://bllate.org/book/16518/1504032>